

ВАРВАРА ОСЬКИНА

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ 2

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
О-79

Оськина, В.

О-79 Большие Надежды 2 / В. Оськина. — М. RUGRAM, 2025. — 302 с. с ил.

Когда кажется, что выхода нет... Что смысла сражаться с системой

совсем не осталось... Когда каждый вздох, возможно, последний...

Найдётся один, кому нечего больше терять. У него ничего не осталось,

он потерял в этой борьбе всё, кроме себя, а значит, абсолютно свободен.

И знает, что:

Город — это не стены и камни.

Город — это человек, за которого ты готов умереть.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-517-13248-2

© Варвара Оськина, текст, 2025
© Мила Басенко,
художественное оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

ГЛАВА I

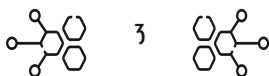
Артур стремительно вышел из Оранжереи и направился в сторону лифта. За спиной с тихим шорохом закрылись тяжёлые металлические створки, и стало так тихо, словно его поместили в герметичную банку. Ни шороха, ни шелеста, ни плеска воды. Хант нахмурился, впервые ощутив такой яркий контраст, но потрянул головой и ускорил шаг. Однако даже гулкое эхо, что разлеталось по галерее, не могло скрыть тот звуковой вакуум, который образовался, стоило ему отвернуться от Флор. В этом пустом коридоре тишина казалась искусственной, будто насаженной насильно. И неожиданно, поймав краем взгляда ту самую знакомую синеву картины, Артур остановился, взгляделся в немного потемневшие от времени краски и вдруг понял, в чём было дело.

Дыхание.

Ему отчаянно не хватало дыхания, что вторило его собственному. Дыхания, которое неожиданно стало тем самым свидетельством неодинокства. Дыхания, чья неестественная лёгкость, почти поверхностность вынуждала его дышать глубже, будто бы за двоих. И резко отвернувшись, Хант прижал кулак в район солнечного сплетения и с силой зажмурился. Дерьмо!

Никогда! Он никогда не должен был этого делать! Но та растерянность и даже злость, с которой он вышел из Оранжереи, быстро сменилась некой внутренней уверенностью, и причины её Хант пока не знал. Он видел, как была расстроена и разочарована Флор, наконец-то поняв, кто перед ней. И хотя это болезненно резануло по его самолюбию, но... Да, ни он, ни она никогда не должны были этого делать, но Артур ни о чём не жалел. Наоборот, он впервые был готов оправдать человека не потому, что тот был не виноват, а потому что так хотел сам Хант. Артур понимал, что безрассудно предвзят, наверняка преступно легкомыслен и недалёковиден, возможно, он даже фатально ошибся, но впервые на это было глубоко наплевать.

— Я смотрю, ты времени зря не терял, — неожиданно послышался из-за спины тягучий голос Варда.

Не удостоив Карателя даже поворотом головы, Хант выпрямился, медленно опустил руку и холодно бросил:

— Скажешь что-то по существу или будешь и дальше констатировать очевидное?

— Ну-ну. Что-то ты нервный такой, — хохотнул Юджин. Последовали неторопливые, почти вальяжные шаги, а затем рядом показалась долговязая фигура в таком же тёмном кителе. Светлые волосы Варда были забраны в хвост тёмной лентой. Он ухмыльнулся. — Смотри, как бы штаны не лопнули. Что, она даже не догадалась тебе немного помочь?

— Не твоё дело.

— Или я вас прервал в самый неудачный момент? С чего ты вообще к ней полез?

Артур стиснул зубы, из последних сил останавливая себя, чтобы не врезать по физиономии Варда. Это, разумеется, не укрылось от Юджина, и, удивлённо вскинув светлые брови, он тихо присвистнул.

— Оу! Однако... Подожди! Или ты просто наконец-то дорвался до «Симпати»? Что, принял дозу? Неужели наконец-то ломает? — Вард чуть отстранился, чтобы посмотреть в глаза Артура, а потом покачал головой. Послышалось раздражённое фырканье. — Не-е-ет. Тогда тебя пришлось бы за яйца стаскивать с этой девчонки.

— Лучше заткнись, — посоветовал Хант и прикрыл глаза в попытке успокоиться.

— Может, не выпался? — продолжил Каратель, не обратив внимания на тон. — Или перебрал? Потому что это абсурд.

— Замолчи.

— Слушай, да меня едва не стошнило, когда я это увидел!

— Ещё одно слово...

— Хант, но она же мерзкая! — не выдержал Вард и брезгливо сплюнул. — Отвратительная бесполезная уродка! Наверняка от неё воняет трущобами и чем там ещё...

— Я СКАЗАЛ ХВАТИТ! — вдруг прорычал Артур.

Ну а в следующий миг тело Юджина с глухим стуком врезалось в деревянную стену. Одна из картин опасно накренилась, и Хант

последним усилием сдержался и не сломал шею Варда своим твёрдым предплечьем. Скрипнув в бешенстве зубами, он процедил:

— Я велел закрыть рот! Ты меня не понял? Так я повторю: ещё одно слово, и я вырву твой язык вместе с половиной кишок. На этот раз я доходчиво объяснил?

Он посмотрел в серые глаза Юджина, где, на удивление, не было ни страха, ни беспокойства. Только лёгкая насмешка.

— О, как... — неожиданно просипел Вард и попытался повернуть голову так, чтобы убрать локоть Ханта, но добился обратного. Захрипев, Юджин постарался изобразить улыбку. — Какая прыть. Неужели она всё-таки что-то успела? Тебе надо лучше следить за своей шириной, брат.

Артур чуть отстранился, а потом неожиданно широко улыбнулся в ответ. И страх, что мелькнул в глазах Варда, стоило тому ощутить, как упёрся в тонкую кожу на шее острый кончик иглы, оказался удивительно сладок. Хант наклонил голову вправо и ласково произнёс:

— Что это? Ты решил давать мне советы? Забыл, кто такой?

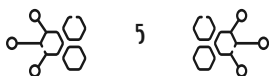
— Хант...

— Так давай вспомним вместе, — перебил Артур, не желая слушать очередное словоблудие. — Юджин Вард. Я могу убить тебя здесь и прямо сейчас. Молча. Мне даже не потребуется это кому-нибудь объяснять, потому что ты никто и ничто. Вещь! А вещи не задают вопросов, не спорят и не имеют своего мнения. Ты меня понял? Брат.

Судорожный ответный кивок вынудил иглу прочертить тонкую розовую линию на бледной шее Варда. Хант бросил на него последний презрительный взгляд и отступил. Брезгливо одёрнув манжет кителя, он развернулся и направился было к лифтам, но в этот момент Юджин неожиданно подал голос. И Господи, Артур лишь чудом не свернул ему шею после первого же слова!

— Ты должен был убить её! — проорал на весь коридор Вард, и Хант остановился. — Убить, понимаешь? А не обмениваться телесными жидкостями!

— Я предупредил тебя. Не провоцируй, — спокойно произнёс Артур. Но Юджин не слушал.

— Да к чёрту! Плевать! Ты хоть понимаешь, что натворил?! Это... Это... Скажи мне, что свернул ей шею! Поклянись мне, что если я сейчас зайду в Оранжевую, то найду эту мерзость под каким-нибудь деревом в качестве удобрения или захлебнувшейся в дурацком фонтане. Докажи, что её башка валяется где-то в кустах! Потому что, если это не так... Если она жива!.. То...

Вард на мгновение прервался, резко выдохнул, прежде чем покачал головой и едва слышно закончил:

— Если она жива, Хант, то это предательство. Ты предатель. И я обязан вернуться туда прямо сейчас, чтобы закончить дело. Мэй должна умере...

Юджин резко осёкся и в последний момент отшатнулся, когда рядом с ним, лишь в миллиметре от глаза просвистела и глухо вонзилась в тёмное дерево короткая игла. Она вошла так глубоко, что от удара металлический корпус дозатора треснул, и на пол быстро закапала голубоватая жидкость. Повисла ошеломлённая тишина, и в этом почти трескучем молчании Артур холодно приказал:

— Пошёл прочь отсюда.

— Что ты творишь? — прошептал Юджин.

— ЖИВО!

— Хант, ты рехнулся...

— Я сказал, встал передо мной и пошёл отсюда вон! — проорал Артур, и только тогда Вард медленно сдвинулся с места. И когда они поравнялись, а их взгляды встретились, Хант медленно договорил: — В этот раз я промахнулся нарочно. Но если ты ещё раз откроешь свой рот, я воткну «Милосердие» прямиком в твою глотку. Ты меня понял?

Повисло молчание, которое длилось удивительно долго. А потом Вард всё же пошевелился.

— Канцлеру тоже предложишь заткнуться? — ядовито прошипел он, но послушно двинулся в сторону лифта.

— Это моё дело, за которое я буду отвечать лично, если требуется.

— Он знает. Он видел её!

Хант стиснул зубы и толкнул Варда в открывшиеся двери кабины.

— Прекрасно, — процедил он, повернулся и бросил последний взгляд на закрытые двери Оранжереи.

«Он видел её!»

Что же... Артур прислушался к себе, и вдруг мысленно ухмыльнулся. Любопытно, сомнений по-прежнему не было. Наоборот, вместо этого Хант вдруг будто бы наяву снова увидел фигуру в тёмном тяжёлом платье, что медленно исчезала в окружении зелени. Она таяла, растворяясь среди листьев, деревьев и больших глупых цветов. И всё так же заворожённо Артур следил, как тонкие и призрачно-белые руки касались раскрытых пышных бутонов и осторожно перебирали хрупкие лепестки, пока те медленно осыпались в ладони. Это зрелище было почти гипнотическим, настолько сакральным, что Хант ощутил, как всегда спокойное сердце вдруг пропустило удар. Оно замолчало, будто боялось разбить царившую сказку, а потом заколотилось так сильно и чётко, что стало трудно дышать. Видит Бог, Артуру никогда не было дела до красоты, но сегодня что-то вдруг изменилось, и виновата в этом та самая Флор.

Так что, если это *оно*... Если *всё* правда... Если всё окажется *так*...

Двери лифта с лязгом закрылись, и Артур с усмешкой подумал, что у его Смерти будет взгляд цвета синего летнего неба.

Канцлерская ложа располагалась по центру самого нижнего яруса и являлась главным достоянием Зала Приёмов. Высотой в два пролёта, украшенная лепниной и позолотой, она ярко светила на фоне грубых бетонных стен. Обычно в дни торжеств, если его присутствие не требовалось Канцлеру, Хант любил стоять за большой, тяжёлой портьерой, что ниспадала алой волной. Она скрывала его от взглядов любопытной толпы, позволяя незаметно следить за людьми в зале и за происходящим в ложах вокруг.

Артур искренне ненавидел подобные сборища. Они вынуждали инстинкты звенеть от напряжения, а натренированное годами чутьё — выхватывать крамольные разговоры даже из гула вроде бы одинаковых голосов. Хант был воином, а не придворным шутком. Убийцей, шпионом, преследователем... Чёрт! Да кем угодно,

но только не пресмыкающимся перед вереницей Советников, их спутников и прочей напыщенной швали. Артур их презирал, и те отвечали взаимностью.

А потому, стоило ему войти в наполненную разговорами ложу, как стало тихо. Хант успел оценить, с какой скоростью отворачивались от него лица, пока он медленно шёл по рядам, а потом перед глазами показалась спина Великого Канцлера, и все звуки разом затихли.

Алекс Росс сидел чуть развалившись в резном позолоченном кресле и медленно отщипывал большие сочные ягоды с покрытой листьями ветви. Он задумчиво перекачивал их между костлявыми пальцами, прежде чем отправить в рот и потянуться за следующей. Это было похоже на медитацию. Равномерные движения, спокойное дыхание... Взгляд его серых глаз не отрывался от зала, а воцарившаяся в ложе неестественная тишина будто бы вовсе не беспокоила настоящего главу Города. И только Артур, который замер у него за спиной знал, что это не так.

Канцлер был в бешенстве. Это можно было понять по тому, как двигалась его рука от ветви ко рту, а затем обратно, — идеально выверенная эргономичная траектория, словно телом управлял не человеческий мозг, а машина. И Артур знал, что, захоти Канцлер убить его прямо сейчас, то сделал бы это столь же безжалостно отточенным жестом. Прямо в эту секунду. Не поворачивая головы. Так быстро, что даже Хант со всей своей выучкой и чутьём вряд ли заметил бы это движение. Всё-таки Алекс Росс был лучшим Карателем за всю историю Города, и ни возраст, ни статус не могли этого изменить.

Но время шло, и раз за разом изуродованная рука Канцлера всё так же механически опускалась, отрывала покрытую лёгким пушком спелую ягоду, а потом медленно поднималась. Ничего больше. Ни вдоха, ни слова, ни звука.

Артур едва заметно дёрнул щекой, а потом сцепил за спиной руки. И это движение словно разорвало пелену оцепенения, которое опутало ложу, едва он вошёл: слышались шепотки, где-то хлопнула дверь. Однако всё немедленно стихло, когда рука с зажатой в ней ягодой вдруг замерла на половине пути, словно раз-

думывая, а потом ловким движением пальцев перекатила спелый плод в ложбинку ладони. Следом над ним сомкнулись по-прежнему сильные пальцы, заключив в плотный капкан.

— Печально, — раздался вздох, а затем вновь тишина.

Канцлер по-прежнему не отрывал взгляд от зала, и Артур невольно посмотрел в ту же сторону, но тут же одёрнул себя и вновь сосредоточился на наставнике. Отвлекаться было опасно. Такого Алекс Росс никогда и никому не прощал.

— Господин Канцлер, — тем временем прошептал кто-то из Советников. Эти лизоблюды прятались в полумраке ложи, точно пугливые насекомые, и боялись показаться на свет. — Время подходит, Суприм ждёт вашего...

Голос Советника оборвался, едва тот заметил, как дрогнул мизинец на сжимавшей ягоду кисти, и лизоблюд уполз обратно во тьму. Артур его не видел, но почувствовал движение каждой клеточкой кожи, как и дыхание, которое вырвалось из груди Канцлера, прежде чем он лениво заговорил.

— Как хрупка и бесполезна человеческая жизнь. Как бессмысленна. Как ничтожна. Ты согласен со мной, Артур?

— Да.

Хант произнёс это ровно и холодно, что вызвало у Канцлера лёгкую усмешку.

— Конечно, согласен. Ты же сам знаешь, как легко её можно отнять, — протянул он. Повисло тяжёлое молчание, прежде чем с лёгкой издёвкой Алекс Росс продолжил: — И всё же мы за неё боремся. Не бросаем на самотёк, а сражаемся за каждый день. Вот, например, строим дом, а потом, разумеется, мастерим к нему забор, который трусливо запираем на все замки. Но проходит время, мы привыкаем, забываем обо всех страхах и, окрылённые мнимой безопасностью, смеемся настолько, что начинаем верить в иллюзию собственной силы. А где сила, там действие. Где действие, там будет ответ. Где будет ответ, там неизбежны последствия...

Канцлер замолчал. Он повернул голову и задумчиво посмотрел на свой кулак.

— Готов ли ты к последствиям, Артур? — голос звучал едва слышно.

— Да.

И снова ни капли сомнений. Появившееся ещё в Оранжерее непонятное и необъяснимое спокойствие никуда не исчезло. Наоборот, оно помогало держать прямой спину и не отвести взгляд, когда Канцлер резко оглянулся и презрительно скривился. Артур едва заметно вздёрнул подбородок.

— Гордец, — прошелестел Канцлер. — Или глупец.

Хант ничего не ответил. Это была показательная порка, исход которой не знал никто, кроме затеявшего её, а значит, ему не дано право голоса. Впрочем, оправдываться Артур всё равно никогда не умел. Так что он лишь сильнее сжал зубы и приготовился.

— Молчишь... Какая неожиданная покорность. Какое смирение. Похвально. — Послышался смешок, который вдруг оборвался ледяным: — Но поздно.

Голос Канцлера слился с треском тонкой кожуры ягоды, которую тот сжал с такой силой, что тёмный сок брызнул из кулака. По изрезанной шрамами старческой руке потекли кажущиеся в полумраке чёрными терпкие струи и скрылись за широкой манжетой канцлерской мантии. Медленно разжав пальцы, Алекс Росс стряхнул выжатую досуха ягоду.

— Это ты, Хант. В любой момент, как я решу, что ты мне не нужен. В тот же миг, как посмеешь снова послушаться. Я выжму и выпотрошу тебя, а оболочку повешу гнить на шпиль Башни, — он замолчал, словно был поглощён замысловатым узором, что начертил на ладони приторно-сладкий сок, а затем коротко бросил: — Объяснись.

Повисло молчание, и Артур знал, что все взгляды обратились к нему. Он не видел этого, но его обострённое чутьё знало, что делала каждая тень в полумраке гигантской ложи. Артур слышал их мысли, чувствовал кожей дыхание, ловил взгляды и витавшие в воздухе шепотки. Сегодня они злорадствовали. Бились в экстазе мелочного удовольствия, наблюдая за унижением того, кого в обычные дни боялись до дрожи. Но это так и не вызвало в душе